

Гу Чжихуай, увидев, что флакон с лекарством оказался перед ним, осторожно протянул руку, чтобы взять его. Рукав его одежды соскользнул, обнажив предплечье с ярко-красными линиями и следами поцелуев. Дугу Янь мгновенно отвёл взгляд, больше не глядя на действия Гу Чжихуая, и только услышал его низкий, хриплый голос:

— Благодарю, господин Хань.

Дугу Янь медленно опустил глаза, лишь кивнув в ответ.

Приняв лекарство и запив его водой, Гу Чжихуай немного успокоился. Сидя на кровати, он вздохнул и, вспомнив о событиях этого дня, снова побледнел. Его пальцы непроизвольно сжали флакон, и он огляделся, не найдя следов того слуги. Воспоминания о том времени были смутными, и он никак не мог вспомнить.

— Позвольте спросить, господин Хань, этот слуга... он...

Услышав вопрос, Дугу Янь повернулся и, глядя прямо на него, ответил:

— Он мёртв. Пока ты спал, я закопал его тело во дворе, а вечером вынесу его. Не беспокойся.

Гу Чжихуай вздрогнул, его пальцы непроизвольно сжались:

— Мёртв...

Дугу Янь, видя его реакцию, подошёл ближе и сел рядом, слегка наклонившись к нему:

— Боишься?

— Нет... — Гу Чжихуай, глядя на лицо так близко, не мог смотреть прямо и отвернулся. В голове мелькнули два возможных объяснения того, как слуга мог навредить ему, но сейчас ни одно из них нельзя было проверить. Затем он вспомнил о чём-то важном и инстинктивно потрогал свою одежду, но ничего не нашёл. Вспомнив, как слуга снял с него одежду, он сначала побледнел, а затем тихо пробормотал. — То окровавленное письмо...

— Не беспокойся, — Дугу Янь, видя его напряжение, понял, что он ищет, и вспомнил, как сжёг тот окровавленный шёлк, пока тот спал. Его взгляд стал ещё более сосредоточенным, и после долгого молчания он продолжил. — Я уже взял его и спрятал. Даже если тот слуга видел его, он больше не сможет говорить.

Гу Чжихуай, услышав это, подумал, что раз это его вещь, и Дугу Янь обладает высокой боевой подготовкой, то лучше, чтобы он её хранил. Однако он всё же сомневался в содержании письма и, немного помедлив, наконец спросил:

— Позвольте спросить, господин Хань, то, что написано в окровавленном письме... это правда?

Дугу Янь, казалось, уже ожидал этого вопроса и, услышав его, выпрямился, спокойно глядя на него:

— Ты хочешь знать?

— Если бы я не видел, то не хотел бы знать, — Гу Чжихуай почувствовал, что его выражение лица было странным, но, хотя они и были близки, они не были знакомы достаточно хорошо, поэтому он осторожно продолжил. — Но раз уж я видел, то хотел бы прояснить свои сомнения.

Дугу Янь, услышав это, в его взгляде промелькнула тень, и, пристально глядя на него, он тихо спросил:

— Ты знаешь, кто такой Дугу Бо?

Гу Чжихуай задумался на мгновение, затем медленно ответил:

— Судя по всему, тот, кто обвинил моего отца в измене, должен быть генералом.

— Верно.

Дугу Янь не ожидал, что он сразу угадает, и его пальцы непроизвольно сжались в рукаве. На этот раз он не колебался и, глядя прямо на него, чётко произнёс:

— Генерал Дугу погиб из-за Гу Вэньина, и его сын тоже погиб. Я — подчинённый генерала Дугу, и я должен отомстить за него и его сына. Более того, мою мать, из-за её красоты, похитили, и я обязан её спасти. Что касается содержания окровавленного письма, я не знаю, правда ли это, но думаю, что так и есть. Иначе зачем Гу Вэньину было убивать генерала просто так?

— Правда? — Гу Чжихуай, услышав это, несколько не усомнился. Его пальцы провели по шёлковому одеялу, и на его лице появилась тень мрачности, но уголки губ слегка приподнялись в насмешке. — Я давно не выхожу из поместья, живу в этом маленьком мире, лишь чтобы выживать — и не знал, что мой отец совершил такое.

Дугу Янь, услышав слова «лишь чтобы выживать», вспомнил, как тот лежал на одеяле, кашляя и истекая кровью. Его взгляд стал ещё глубже, и он слегка приблизился к Гу Чжихуаю, мягко спросив:

— Твоя болезнь... ты ведь сын этого дома, почему тебя так плохо лечат?

Гу Чжихуай, видя его заботу, временно отложил мысли об окровавленном письме и с горькой улыбкой ответил:

— Это болезнь с рождения, её не вылечить. Не беспокойтесь, господин Хань, я ещё не умру.

Дугу Янь долго смотрел на него с мрачным выражением, затем встал и направился к двери. Уже почти открывая её, он сказал:

— Отдыхай, если что-то случится, я тебе сообщу.

— Господин Хань.

Гу Чжихуай смотрел на его спину, его глаза отражали солнечный свет, и на мгновение они стали немного туманными, но при этом казались ещё более ясными, без единого намёка на ложь.

— Спасибо вам... за помощь сегодня.

Дугу Янь лишь взглянул на него, словно боясь смотреть дольше, и, отвернувшись, тихо ответил:

— Не стоит.

Гу Чжихуай, видя, как он выходит и закрывает дверь, наконец расслабился. Лёжа и закрывая

глаза, он уже принял решение: хотя он не мог больше вмешиваться в дело с окровавленным письмом, он всё же мог помочь господину Ханю спасти его мать...

Прошёл Праздник фонарей, и погода начала постепенно теплеть. Прошло около месяца, и служанки резиденции Князя И сменили зимние одежды на весенние. Нежно-розовые цвета смешивались с новыми зелёными оттенками, словно бутоны персиковых цветов вдоль дороги, нежные и прекрасные, радующие сердце. В Дворе Жунли дерево груши тоже обновилось, выпустив светло-жёлтые почки, и каждый, кто проходил мимо, невольно протягивал руку, чтобы коснуться новых весенних листьев, и улыбался.

— Цинхуань.

Юноша в тёмно-красной весенней одежде с золотой вышивкой сидел под деревом груши, его пальцы скользили по крышке белой нефритовой чаши, а на губах играла лёгкая улыбка:

— В последнее время в нашем доме ожидают каких-то важных гостей?

— Гостей? — Служанка, одетая в новую розовую весеннюю одежду, наливала ему чай, и её лицо выражало замешательство. Она задумалась на мгновение, затем с недоумением ответила.

— Я не слышала... почему вы так думаете, молодой господин?

— Цветы «Две сестры» и «Лоянский красный» — это редкие сорта в Минду, и сейчас ещё не время их цветения. Но несколько дней назад, гуляя в заднем саду, я случайно увидел, что их расставили повсюду. Эти цветы такие дорогие — разве их бы выставили, если бы в доме не ждали важных гостей?

Гу Чжису смотрел на светло-зелёный чай, вращающийся в белой нефритовой чаше с узором из цветов груши. Его тёмные глаза слегка блестели, а пальцы с лёгкой нежностью касались вырезанных на чаше цветов, словно не желая отпустить.

— Здоровье матери только начинает улучшаться, а у неё уже появилось желание любоваться цветами. Разве это не странно? Немедленно узнай, что происходит.

Цинхуань, поняв важность вопроса, сразу же поставила чайник и тихо ответила:

— Да, молодой господин.

Гу Чжису смотрел, как она удаляется, и его взгляд невольно упал на Ху Цинь-эр, которая готовила воду неподалёку. Увидев, как она кивает ему с уважением, он словно что-то понял, и его глаза стали ещё глубже. Он взял белую нефритовую чашу и слегка пригубил её.

— Молодой господин, Цинхуань всё выяснила, — Цинхуань, выйдя ненадолго в задний сад, быстро узнала нужную информацию и, вернувшись, с оживлением доложила спокойному Гу Чжису. — Это княгиня... княгиня устраивает пир в честь цветов, приглашая жён и дочерей из других домов любоваться пионами.

— После выкидыша прошло меньше двух месяцев, а мать уже торопится устраивать пир.